

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-782-801

«Ядро» и «периферия» понятий «счастье» и «справедливость»: метод неоконченных предложений как инструмент валидации*

И.В. Троцук^{1,2,3}, М.В. Субботина¹

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
при Президенте Российской Федерации
Просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия,

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия,
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; subbotina-mv@rudn.ru)

Аннотация. Статья продолжает серию публикаций по результатам многолетнего исследовательского проекта кафедры социологии РУДН, посвященного содержательному и методическому изучению самоидентификации российской студенческой молодежи в терминах счастья. На текущем этапе реализации проекта в него были добавлены два новых «измерения»: во-первых, контекстуализация вопросов о счастье понятием и элементами социальной справедливости (как его «внешней детерминанты»); во-вторых, «измерение» образов счастливого и несчастного человека посредством проективной методики (неоконченных предложений) и с учетом устойчивых социальных представлений о справедливости и несправедливости. Будучи ограничены размерами статьи, авторы сосредоточивают внимание на втором «измерении», стремясь обозначить возможности и ограничения метода неоконченных предложений как инструмента валидации результатов эмпирического проекта, а не средства исследовательского поиска на его начальной стадии. Структура статьи способствует решению этой задачи: в первой, вводной, части сформулирована исследовательская проблема, обусловленная самодиагностической манией современного общества (с точки зрения уровня счастья) и вытекающими из нее попытками типологизировать факторы счастья; во второй части представлены основные этапы реализации проекта и выводы по итогам проведенных опросов (методом анкетирования; на выборке студентов РУДН и общероссийской репрезентативной онлайн-панели); в третьей, основной, части приведены результаты применения метода неоконченных предложений, полученные на основе простейшего контент-аналитического кодирования полученных элементарных закрытий. В итоге была реконструирована однотипная структура образов счастливого/несчастливого человека (в контексте определяющих такие «статусы» факторов), а также справедливости/несправедливости (с учетом их характеристик) — ядро, ближняя периферия и дальняя периферия, различающиеся своими семантическими «объемами» и оценочными векторами.

* © Троцук И.В., Субботина М.В., 2022

Статья поступила в редакцию 15.07.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022.

Ключевые слова: счастье/несчастье; справедливость/несправедливость; объективные и субъективные факторы; репрезентативный опрос; метод неоконченных предложений; ядро и периферия образа; социальные представления; кодирование

Фактически на протяжении большей части современной истории человечество занимается поисками ответа на вопрос «Что такое счастье и как его обрести?»: «одним счастьем кажется добродетель, другим — рассудительность, третьим — известная мудрость, а иным все это вместе или что-нибудь одно в соединении с удовольствием или не без участия удовольствия, есть и такие, что включают в понятие счастья и внешнее благосостояние» [2. С. 66]. «Инструментальным» новшеством последних десятилетий стали попытки квантификации инструментов и результатов этих поисков — в форме мониторинговых массовых опросов и сравнения массивов статистических и социологических данных. Как правило, первые призваны охарактеризовать своего рода объективный контекст поисков счастья — те социально-экономические, демографические, политические, миграционные и прочие обстоятельства, в которых человек вынужден выстраивать собственную концепцию обретения счастья «в заданных условиях», а вторые — субъективные оценки успешности этих поисков.

В принципе можно говорить о своего рода самодиагностической мании современного общества — судя по сайтам крупнейших социологических центров, они постоянно «замеряют» разные показатели нашей жизни и сводного социального самочувствия, и ситуацию только усугубляют постоянные ссылки на результаты этих «замеров» в средствах массовой информации и управленцев всех уровней (усугубляют, потому что масс-медиа и политическая риторика обычно обыгрывают отдельные, вырванные из общего контекста «цифры», игнорируя методические особенности и ограничения опросных данных). И когда речь заходит о счастье, ситуация выглядит несколько абсурдной — невзирая ни на какие объективные и очевидные любому человеку социально-экономические трудности («заданные обстоятельства»), россияне неизменно декларируют поразительно высокий уровень счастья.

Все это ставит перед социологами очевидные аналитические задачи: с одной стороны, формулировки более четкого концептуального определения счастья, которое позволит разработать более надежную и валидную систему его эмпирических индикаторов; с другой стороны, уточнения операционального определения счастья, т.е. систематизации методических возможностей его социологического «измерения». Задачи эти очевидны в том смысле, что имеют долгую междисциплинарную историю: концептуальные поиски в этом предметное поле ведутся еще со времен Античности, заложившей основания до сих пор неразрешенных споров о том, что приоритетнее для счастья — удача, внутренняя гармония, материальный достаток, духовное развитие, чувственные наслаждения или добродетельная жизнь [18. С. 80].

Современное общество не столько разрешило этот спор, сколько перевело его в русло персональной ответственности, утверждая, что человек в ответе за собственное счастье (его дефиницию и достижение), невзирая на окружающие социальные реалии. А поскольку ни о каком равенстве в них и речи не идет, то материальные и социальные блага из этого персоналистического определения счастья как бы исключаются («не в деньгах счастье», «каждый сам кузнец своего счастья» и т.д.), и «позитивная психология» [см., напр.: 15] призвана помочь человеку достичь соответствующего эмоционального состояния — удовлетворенности и осмысленности жизни, положительного восприятия себя и окружающего мира, отдавая «себе полный отчет в том, что такое счастье» [1. С. 9].

Что касается операционального определения счастья, то формально принято разводить «объективные» и «субъективные» его факторы, хотя «объективность» первых номинальна в том смысле, что в значительной степени большая их часть также весьма «субъективна» (характеризуется сложным соотношением предписаний и личного выбора): к первой группе факторов относят «внешние детерминанты» счастья (наличие семьи и близких людей, уровень дохода, состояние здоровья, профессиональная деятельность, уровень образования, свободное время и досуговые практики, возраст, пол, религиозная принадлежность, количество и интенсивность социальных связей и др.); ко второй группе — «внутренние детерминанты» (самооценка, частота и сила положительных эмоций, идентификационные паттерны и др.).

Длительное время группа внешних факторов считалась прерогативой экономических и демографических исследований (статистические данные и математические операции обеспечивали оценку счастья, хотя и в иной терминологии — «качество жизни» и «уровень жизни», хотя «экономика счастья» дополняет их оценку субъективными показателями счастья [см., напр.: 8; 30]), а вторая группа — областью социологических поисков (преимущественно номинальные и полуупорядоченные шкалы в опросах общественного мнения, характеризующие не только «счастье», но и «социальное самочувствие» и/или «субъективное благополучие» на основе разных сочетаний вопросов типа: «Чувствуете ли вы себя счастливым человеком?», «Что делает вас счастливым?» и «Что не дает вам быть счастливым?»; «В жизни бывает всякое и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, вы счастливы или нет?» и «Как вам кажется, среди ваших знакомых и близких больше счастливых людей или несчастных?»; «Насколько счастливым или несчастным человеком вы себя ощущаете в связи с событиями в вашей личной жизни?»; «Довольны ли вы своим материальным положением?», «Чувствуете ли вы себя в безопасности в своем городе?», «Довольны ли вы уровнем городского благоустройства?», «Чувствуете вы себя счастливым в вашем городе?»; «Оцените, насколько вы счастливы сегодня?» и «Оцените, насколько вы были

счастливы в прошлом месяце?» и др.). Эмпирическая социология стремится сочетать (в меру возможностей) условные эконометрический и социально-психологический подходы к изучению счастья, однако даже объемные анкеты, сочетающие показатели обоих подходов, принципиально не меняют получаемые опросные данные.

На кафедре социологии РУДН был разработан такой комплексный инструментарий и проведена его апробация — в 2018 году было опрошено 350 студентов бакалавриата; анкета состояла из 27 вопросов, разделенных на три блока, — 9 вопросов «паспортички» (значимых различий по социально-демографическим критериям обнаружено не было, что говорит об устойчивых социальных представлениях о счастье); 8 вопросов на самооценку (удовлетворенность жизнью, склад характера, возможность назвать себя счастливым и др.); 10 вопросов, призванных выявить представления студентов о счастье (можно ли сделать человека счастливым, сколько нужно денег и детей для счастья, можно ли измерить счастье, что в наибольшей степени определяет ощущение счастья и др.). В последнем блоке использовались как традиционные номинальные шкалы с возможностью выбрать один или несколько вариантов ответа, так и другие методические решения, в частности, метод неоконченных предложений и набор дихотомических шкал — 24 суждения, отражающих повседневные представления о счастье, с которыми респондент мог согласиться или нет («Счастье — мимолетное ощущение: то возникает, то неожиданно исчезает», «Счастье — состояние души: либо человек чувствует себя счастливым, либо нет, от конкретных событий или людей счастье мало зависит», «Счастье — рациональный выбор: человек сам решает, быть ему счастливым или несчастным, невзирая на конкретные обстоятельства своей жизни», «Счастье — миф, чтобы людям было ради чего жить», «Счастье — это когда тебя понимают», «Счастье — довольствоваться тем, что у тебя уже есть» и др.).

Согласно полученным данным, большинство студентов (90 %) называют себя счастливыми людьми (с разной степенью уверенности), и данный показатель практически не зависит от уровня дохода (за исключением самой необеспеченной группы, которой часто не хватает средств даже на самое необходимое, и доля счастливых снижается до 77 %). Когда студентам было предложено оценить свой уровень счастья на шкале от 1 до 10, то половина ответов сосредоточилась в градациях «7» (24 %) и «8» (25 %), четверть — в градациях «9» и «10». Столь высокий уровень счастья объясняется тем, как студенческая молодежь его определяет: это не мифологема и не состояние, требующее внешнего засвидетельствования; каждый второй уверен, что для счастья нужно уединение и любовь к себе, труд по налаживанию своей жизни, хорошее настроение, решение быть счастливым, отсутствие зависти к более успешным людям; еще выше доля тех, кто считает счастье состоянием души, для обретения которого необходимо любимое дело и близкие люди, взаи-

мопонимание и умение находить радость в том, что имеешь [см. подробнее в: 10; 21; 22; 23]. В представлениях студентов о счастье переплетаются две его интерпретации: с одной стороны, устойчивые социальные стереотипы о неприоритетности материального достатка для счастья в принципе; с другой стороны, когда вопрос задается не в абстрактно-оценочной, а лично-конкретной форме, финансовый фактор оказывается не менее приоритетным для счастья, чем семейное благополучие.

В конце 2020 года мы разработали анкету для репрезентативного общероссийского онлайн-опроса из 31 вопроса: 3 вопроса «скрининга», 19 — о трактовках счастья, его факторах и самооценках респондентов, 9 — о социальной справедливости и 7 вопросов «паспортички». Первый опрос по анкете был проведен в декабре 2020 — январе 2021 года в онлайн-формате на общероссийской панели компании «Тибурон» (N = 808) и показал доминирование в российском обществе личностной трактовки счастья [см. подробнее в: 9]: человек счастлив, если находит радость в жизни и людях, которые его понимают; не гоняется за счастьем как чем-то внешним, а ищет его в себе; определяет счастье не как цель, а как образ жизни — с любимым делом, выбранной жизненной стезей и близкими людьми, с которыми делится своим счастьем, т.е. «большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливыми», довольствуются тем, что у них есть и не испытывают мучительной зависти к чужому счастью; причем в трактовках счастья практически не прослеживается значимых гендерных и поколенческих различий.

По ответам респондентов на вопрос, что в наибольшей степени определяет сегодня, чувствует себя человек счастливым или нет, «факторы» счастья были сгруппированы в три блока, где первый блок составили наиболее значимые факторы, набравшие более 49 % — здоровье (75 %), семья (70 %) и любимый человек (69 %), исполнение желаний/мечты (64 %), материальное положение (59 %), друзья (58 %), свободное время/увлечения и профессия/работа (по 54 %), везение/удача (49 %), т.е. очень «персональные вещи». Справедливо устроенное общество назвал лишь каждый третий, и во второй блок вошли и другие «внешние вещи» — место жительства (27 %), состояние окружающей среды (26 %), общая ситуация в стране (24 %), общественное признание (22 %) и ситуация в мире (19 %), дополненные рядом «частных» аспектов — уровень образования (18 %), возраст (17 %) и исповедуемая религия (10 %). Третий блок, самый малочисленный по числу факторов и набранным долям, составили дата рождения (знак зодиака, символ года и пр.) (5 %), пол (4 %) и политические взгляды (3 %). Данная структура факторов почти не имеет гендерной окраски, поколенческие различия более выражены, но не меняют общей структуры и соотношения факторов, что, видимо, объясняет, почему большинство опрошенных (79 %) могут назвать себя счастливым человеком (с разной степенью уверенности).

«Факторы несчастья» (ответы на вопрос «Если, пусть даже иногда, Вы не ощущаете себя счастливым, то почему?»), напротив, оказались сосредоточены «вовне»: переживания за будущее (47 %) и низкий уровень доходов (45 %), сложные жизненные обстоятельства и болезни/плохое здоровье (по 41 %), накопленная усталость/неспособность радоваться жизни (39 %) и ощущение ее несправедливости (36 %), проблемы в семье и отсутствие уверенности в завтрашнем дне (по 35 %).

Результаты онлайн-опроса показали, что на прямые вопросы респонденты склонны давать позитивно-смещенные ответы, следуя стереотипам социальной «нормальности», поэтому декларативно довольны своей жизнью (абсолютное большинство, хотя в своем окружении лишь 37 % отмечает преобладание счастливых людей, и с возрастом показатель снижается — с 46 % у подростков до 31 % после тридцатилетнего рубежа), тем более что в российском обществе доминирует «персоналистичная» трактовка счастья — как зоны личной ответственности. Условное «ядро» понимания счастья формирует сфера личного выбора и частной жизни — профессиональный и жизненный путь, ближнее социальное окружение и самоопределение в терминах счастья, а «периферия» понимания счастья более дифференцирована — включает подкрепляющие «ядро» личные решения (рациональный выбор быть счастливым, решение жизнь по уму и в счастье, контроль эмоционального состояния и т.д.) и внешние элементы (справедливо устроенное общество, общая в стране и мире, общественное признание и пр.).

В декабре 2021 года был проведен повторный общероссийский онлайн-опрос по тематике счастья, в апреле 2022 года — по тематике справедливости — на аналогичной по структуре и объему выборке из онлайн-панели компании «Гибурон», и в каждую анкету были включены отдельные вопросы и/или закрытия, связывающие понятия счастья и справедливости [см. подробнее в: 22]. Результаты опроса показали устойчивость выявленной ранее личностной трактовки счастья (несмотря на включение вопросов и закрытий о социальной справедливости, а также об изменении ситуации за период пандемии) и подтвердили некоторые поколенческие различия: в целом до 30 лет люди чаще считают, что быть счастливым — это личное рациональное решение (позитивно-смещенная трактовка), а после 50 лет — реже согласны с тем, что счастье — довольствоваться тем, что у тебя есть, и результат тяжелого труда по налаживанию жизни, поскольку человек обязан быть счастлив, и несчастье — его личная вина (негативно-смещенная трактовка). Сохраняется и обозначенная выше условная иерархия факторов счастья (со статистически незначимыми отклонениями), где лишь каждый третий отмечает принципиальное значение справедливого социального устройства, и распределение приоритетных «факторов несчастья», где прослеживаются незначительные поколенческие различия, за исключением абсолютного поколенческого

консенсуса в отношении несправедливости жизни (например, после тридцатилетнего рубежа респонденты реже чувствуют себя несчастными, переживая за будущее, отмечая накопленную усталость, проблемы в семье и хроническое отсутствие времени на отдых, но чаще — в силу неуверенности в завтрашнем дне).

Столь незначительная (в сравнении с другими показателями) доля считающих социальную несправедливость важным фактором несчастливости объясняется не только доминированием личностной трактовки счастья, но и пониманием социальной справедливости — в первую очередь как правовой категории (равенства перед законом — 71 %), менее важны равенство прав и соблюдение законов (по 58 %), равенство возможностей и гарантии безопасности (по 56 %), соблюдение большинством сограждан моральных норм (53 %), свобода слова и отсутствие дискриминации (по 50 %), социальные гарантии (49 %), каждый третий отметил отсутствие социального неравенства и равенство доходов (по 31 %). Поколенческие различия оказались незначительными и предсказуемыми: с возрастом в целом и после тридцатилетнего рубежа особенно возрастает значимость равенства перед законами и их соблюдения, гарантий безопасности и социального обеспечения, но становится менее важна свобода слова и равенство доходов. Показательно, что и в анкете о социальной справедливости каждый третий полагает, что жизнь в российском обществе скорее несправедлива (каждый второй — что иногда справедлива, иногда нет), на условной «лестнице справедливости жизни» разброс позиций российского общества оказался значительным — между 3 и 7 позициями (среднее — 5 из 10), а треть опрошенных полагает, что ситуация со справедливостью в российском обществе за период пандемии ухудшилась (более половины не заметили изменений). Основным нарушением принципа социальной справедливости в стране респонденты считают неравенство доходов, со значительным отставанием за ним следует социальное неравенство (перед законом, прав и возможностей, отсутствие свободы слова), и с возрастом доля отмечающих отсутствие практически всех перечисленных компонентов социальной справедливости (за исключением свободы слова) возрастает. Однако речь опять, видимо, идет об устойчивых социальных представлениях, потому что практически каждый пятый затруднился ответить на вопрос, сталкивался ли он или его близкие в последние несколько лет с социальной несправедливостью к себе лично.

Таким образом, если в понимании счастья россияне тяготеют к «личностным» определениям и внутренним (в пределах близкого социального круга) факторам обретения, то справедливость характеризуют скорее как правовую, а не морально-нравственную категорию, а столь «внешние факторы несчастливости» по определению входят в «периферию», а не «ядро» доминирующей трактовки счастья. Кроме того, если счастье большинство считает неизмеримым феноменом/абстрактным понятием (что объяснимо,

учитывая столь личностные его «индикаторы» и «факторы»), то справедливость, напротив, полагают поддающейся измерению, но не в неких конкретных величинах, а в сопоставлении с прошлым.

Чтобы оценить, насколько в своих опросах мы не подталкиваем респондентов к выбору социально одобряемых вариантов, а учитываем сложившиеся социальные стереотипизации, мы решили использовать метод неоконченных предложений. В силу его «качественного» проективного характера метод сложно назвать популярным инструментом современной эмпирической социологии, увлеченной сопоставительной опросной квантификацией. Тем не менее, метод вполне институционализирован в отечественной традиции, в том числе с точки зрения обработки полученных закрытий [см., напр.: 5] (стимульные предложения, реальные и идеальные «эксперты», разные типы группировки данных — «абстрактно-аналитические и обобщения на уровне здравого смысла, типичные высказывания отдельных респондентов»), и применение проективных методик считается обоснованным в силу простоты получения данных, отсутствия влияния предварительных гипотез на результаты, меньшей вероятности фальсификации данных респондентами (не видящими подвохов в формулировках вопросов и ответов), возможности группировки данных по разным основаниям и т.д. [см., напр.: 19].

Если в психологии метод неоконченных предложений предполагает выявление скрытых индивидуальных переживаний посредством оказания на человека косвенных воздействий, то в социологии он используется для изучения социальных феноменов именно в том контексте, который подразумевают сами действующие субъекты: исследователь формулирует «стимулы» (начала фраз), которые обретают смысл благодаря субъективным трактовкам респондентов (предлагаемые ими окончания фраз создают определенное смысловое пространство, спектр возможных ответов и их обоснований). Как правило, в таком качестве метод неоконченных предложений наиболее полезен на разведывательном этапе исследования: до разработки инструментария массового опроса можно применить метод на небольшой выборке — чтобы реконструировать обыденное семантическое пространство изучаемого социального феномена (лексическое оформление содержания коллективных представлений). Метод может использоваться и как основной прием сбора данных, но применяется в таком формате крайне редко, поскольку здесь ограничения метода перевешивают его достоинства (сложность обработки массива разрозненных данных; трудности заполнения опросника респондентами, для которых проблематика неактуальна/неинтересна и т.д. [см., напр.: 12]); нерепрезентативные и неустойчивые данные) [см., напр.: 20].

Многочисленные модификации [см., напр.: 7] и сочетания метода с другими методиками, призванные упростить работу респондентов и повысить их искренность, сложно назвать успешными в современном информационном обществе (где человек усваивает многочисленные лексические шаблоны

и дискурсивные паттерны), насыщенном опросами (чьи результаты постоянно публикуются в средствах массовой информации и озвучиваются лидерами общественного мнения), и данная проективная методика может утрачивать свой эвристический потенциал — люди пишут либо слишком индивидуальные ответы (иррелевантные окончания фраз), либо, напротив, слишком социально-стереотипизированные (тривиальные окончания фраз). Примем в качестве рабочей условную типологию основных направлений применения метода неоконченных предложений: 1) конструирование и применение методики для сбора и анализа данных; 2) адаптация методики для использования в конкретных социологических проектах. А в рамках первой стратегии согласимся с разведением методических экспериментов (уточнение способов конструирования и апробация неоконченных предложений для сбора надежных и валидных данных) и сочетания методики с другими инструментами сбора данных (для повышения надежности и валидности информации, а также более корректной ее интерпретации). Тогда мы однозначно идем по первому пути, но сначала включили несколько неоконченных предложений в формализованный опросный инструментарий (анкету), т.е. использовали методику как вспомогательный прием, а затем усложнили ее, совместив неоконченные предложения по тематике счастья и справедливости, и использовали в качестве самостоятельного опросного инструмента — для выделения «ядра» и «периферии» обыденных трактовок счастья и справедливости, чтобы понять причины их столь принципиальной невзаимосвязи в российском общественном мнении.

С декабря 2020 по декабрь 2021 года с помощью метода неоконченных предложений было опрошено 392 человека (в основном студенты — 352 человека, поэтому результаты опроса родительского поколения из рассмотрения исключены и приводятся только в качестве иллюстративного материала в вероятностных суждениях; несколько больше девушек, чем юношей — 60 % против 40 %). В качестве методического эксперимента мы реализовывали опрос в трех форматах: неоконченные предложения только по одной тематике (счастье или справедливость), неоконченные предложения по обеим тематикам (в разной последовательности). В обеих тематиках было использовано по шесть неоконченных предложений (предварительно была проведена их апробация — на предмет однозначности, релевантности и надежности): «Счастливый человек — это...», «Несчастный человек — это...», «Для счастья человеку нужно...», «Несчастье — неизбежный спутник...», «Человек может быть счастлив и без...», «Человек может быть счастлив и с...»; «Справедливость — это...», «Справедливый человек никогда...», «Несправедливость — это...», «Определение “справедливый” можно использовать только по отношению к...», «Несправедливость бывает...».

Как показал анализ полученных данных, рассматриваемые тематики воспринимаются респондентами как абсолютно автономные, поэтому ника-

кие их сочетания на итоговое распределение ответов влияние не оказывают: слова, однокоренные с понятием «счастье», не появились в разделе о справедливости, и только два человека внесли определения «справедливый» в одно неоконченное предложение в разделе о счастье). В среднем респонденты формулировали больше и более разнообразные закрытия в первых «стимульных фразах», чем в последующих, и в неоконченных предложениях о счастье, чем о справедливости (в среднем 2 закрытия против 1,3).

Закрытия были внесены в базу данных в программе SPSS в первоначальном виде, а затем перекодированы в логике «обоснованной теории» (отбирались наиболее частотные и обобщающие «живые коды» [см.: 16; 26; 32]) и простейшего контент-анализа — схожие «элементарные обоснования» объединялись в тематические группы (классифицировались как однотипные) под обобщенными названиями. В случае неоднозначных текстовых элементов использовались три стратегии [20]: игнорирование иррелевантных элементарных обоснований (например, имен известных актеров и политиков); повышение уровня абстрактности (например, формулировки, связанные с голодом, переводились на уровень материальной обеспеченности); присвоение ответу нескольких кодов (например, «вторая половина» может кодироваться как «любовь» и «семья»).

После перекодирования текстовых переменных был проведен контент-анализ — подсчет частоты встречаемости элементарных обоснований, который позволил определить «ядро» и «периферию» в структуре образов счастья и несчастья (счастливого и несчастного человека), а также справедливости и несправедливости (справедливого и несправедливого человека). Итак, счастливый человек — это, прежде всего, тот, «кого устраивает его жизнь» («ценит, что имеет»/«не хотел бы изменить свою жизнь») — 39 % ответов; «кто считает себя счастливым» — 20 %; «у кого все хорошо» («нет проблем», «решил все проблемы») — 13 %; «кто добивается своих целей» («исполнения своих мечтаний») — 12 %; «кто не одинок» — 10 %; «умеет любить и принимать любовь» («любимый», «любящий», «любит и любим») — 8 %; «у кого все есть», «кто умеет радоваться мелочам» и «здоров» — по 7 % (элементарные обоснования, набравшие менее 5 % ответов, мы не учитывали) (Рис. 1). Хотя мы не имеем права проводить поколенческие и гендерные сопоставления (вследствие смещенной структуры выборки и недостаточности данных), можно отметить несколько условных «типологических синдромов»: в отличие от поколения «детей», счастливый человек в представлении родительского поколения — тот, «у кого все родные здоровы» (9 % против 0 %), кто здоров сам и не одинок (13 % против 5 %); тогда как поколение «детей» акцентирует важность удовлетворенности жизнью, тем, что имеешь (42 % против 28 %); для мужчин более значимый «индикатор» счастливого человека — достижение целей (13 % против 5 %), для девушек — признание себя счастливым (15 % против 10 %).

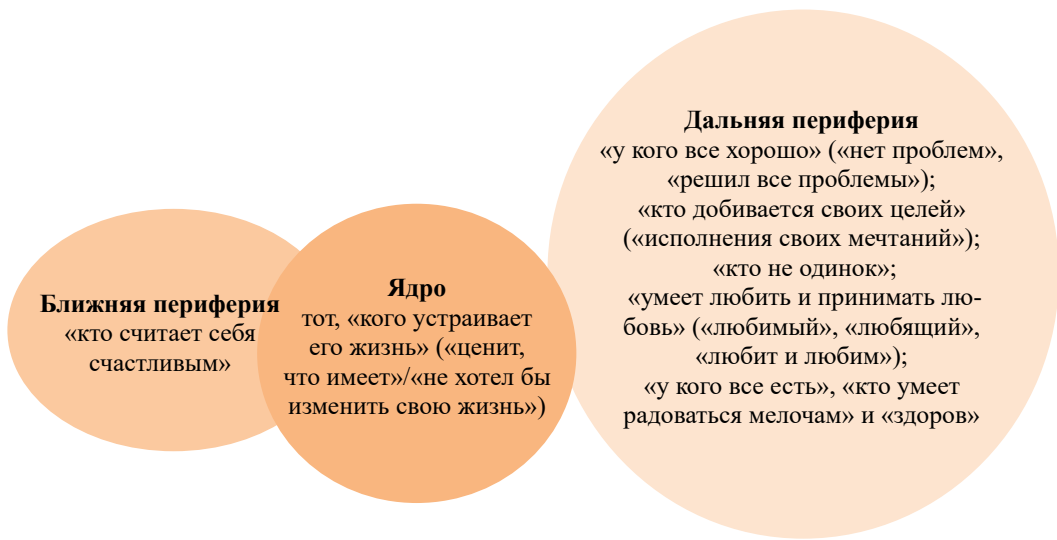

Рис. 1. Ядро и периферия образа счастливого человека

Соответственно, в качестве «факторов счастья» (что человеку нужно для счастья) респонденты называют, в первую очередь, «каждому свое» («то, что сам человек считает нужным для своего счастья») — 41 %, «близких людей» (семья) — 26 % и «любовь» (22 %); на втором месте стоит «принятие себя» («любить себя»/«ценить себя») — 17 %, «принятие своей жизни» («ценить жизнь») — 12 % — и деньги (11 %); на третьем — умение «быть реалистом» («смотреть правде в глаза») и «здоровье» (свое и близких) — по 7 %, а также «любимое дело» (6 %). Для счастья родителей более важны близкие люди (20 % против 14 %), умение принимать себя (17 % против 11 %), здоровье (9 % против 4 %) и вера в бога (3 % против 0); для счастья «детей» — любимое дело (6 % против 0), старания/усилия (5 % против 0) и деньги (4 % против 0); для юношей более значимы собственные усилия (4 % против 2 %), деньги (11 % против 6 %) и представления человека о счастье (28 % против 20 %). Среди элементарных обоснований неоконченного предложения «Человек может быть счастлив и без...» однозначно лидируют «деньги»/«материальные блага» (67 %; чаще у «родителей» — 73 % против 61 % — и женщин — 62 % против 56 %), за которыми с огромным отставанием следуют «видимые причины» (15 %; чаще у «детей» — 16 % против 8 %), «другие люди» (12 %) и «любовь» (8 %).

Образ несчастного человека оказался менее мозаичным — это, прежде всего, тот, «кто не может реализовать себя в жизни» («достичь своих целей») — 48 %, «считает себя несчастным» — 26 %, «одинокий» (нет семьи, нет друзей и пр.) — 19 %, «у кого все плохо» (17 %), и при этом он «злой/злопамятный/мстительный» («испытывает негативные эмоции чаще, чем по-

зитивные») — 11 % (Рис. 2). Для юношей более важна «объективная» сторона несчастья — когда у человека «все плохо» (18 % против 12 %), он «беден» (5 % против 1 %), для девушек — «субъективная»: одиночество (18 % против 12 %), преобладание негативных эмоций (9 % против 4 %) и отсутствие любви (3 % против 0); для родителей — отсутствие любви (6 % против 1 %) и «когда все плохо» (20 % против 10 %), для «детей» — личная нереализованность (46 % против 34 %).

Рис. 2. Ядро и периферия образа несчастливого человека

Несчастье респонденты считают неизменным спутником двух условных групп «вещей»: прежде всего, «негативных эмоций» (грусть, пессимизм, плохое настроение, уныние и пр.) — 28 %, жизненных «неудач» («неудачников») (24 %), самой «жизни» (19 %) и «зависти» (11 %); во вторую очередь — «горя» («беды», «страданий») — 8 %, «одиночества» — 7 %, «лени/пассивности» («лентяев») и «гнева/злости/агрессии/жестокости» («злых людей») — по 6 %. Девушки не упоминают несчастье в качестве спутника «вредных привычек» (наркомании, алкоголизма) (4 % против 0); родительское поколение чаще связывает несчастье со злобой и гневом (12 % против 4 %), завистью (15 % против 10 %) и бедами (19 % против 7 %), «дети» чаще видит в несчастьях неизбежную часть жизни (24 % против 4 %). Элементарные обоснования, завершающие предложение «Человек может быть несчастлив и...», также имеют однозначного лидера — «с деньгами/достатком» (59 %; более значим для родителей) — 65 % против 43 %, за ним с огромным отрывом следует «обладание всем, что нужно для счастья» (20 %), «семья/близкие» (15 %) и «любовь» (12 %). Родители не упоминают любовь/любимого человека (0 против 7 %), друзей (0 против 5 %) и славу/известность (0 против 3 %), значительно реже отмечают «успешную карьеру» (4 % против 10 %).

«Ядро» образа справедливости формирует понятие «каждому по заслугам» (37 %), его «ближнюю периферию» — честность («поступать/жить по совести/по правде» — 21 %; важнее для женщин — 18 % против 11 %), «моральное долженствование» (18 %), «(всеобщее) равенство» (прав, возможностей, благ, перед законом — 17 %; важнее для мужчин — 18 % против 11 %) и «объективность» («непредвзятость») — 11 %; «дальнюю периферию» — понятия правильных поступков (8 %), «хорошего отношения к другим» (честность, понимание, уважение) — 6 %, а также трактовки справедливости как «чего-то, чего не хватает/не существует в нашем обществе/мире» (6 %) (Рис. 3).

Рис. 3. Ядро и периферия образа справедливости

В образе справедливого человека доминируют определения «не предаст/обманет/подставит/лицемерит/не поступает дурно/подло» (38 %) и «не поступает несправедливо» (33 %); «ближнюю периферию» образа составляет отказ «делать людям то, чего они не заслужили»/«пользоваться людьми» (20 %), «брать больше, чем заслужил» (15 %), «ставить себя выше других» (13 %) и «нарушать требования морали» (11 %); «дальнюю периферию» — отказ принимать решения на основе «чувств/эмоций/личных привязанностей» (7 %). Для поколения «детей» более значим отказ пользовательски относиться к людям (14 % против 8 %) и считать себя выше других (10 % против 3 %; чаще так считают женщины — 10 % против 4 %), для родителей — честность и порядочность (50 % против 26 %). Следует отметить, что определение «справедливый» считается чисто «человеческим» (характеристикой добрых, честных, бескорыстных и т.п. людей) — 74 %, с огромным отставанием за ним идет возможность характеризовать таким образом «поступки/действия/решения» (в том числе судебные) — 14 %, «законы» (8 %), «все» (7 %), «события/ситуации» (6 %) и «общество/мир» (5 %).

В структуре образа несправедливости доминируют не противоположности справедливости, а иные элементы: прежде всего «несоответствие вознаграждения/наказания деянию» («безнаказанность», «незаслуженное наказание») — 36 %; «ближнюю периферию» образа составляют «плохое отношение к другим» (пренебрежение, неуважение, ложь) и некая «противоположность справедливости» («не по-честному») — по 22 %, а также «нарушения норм морали» (18 %; более значимы для женщин — 16 % против 8 %); «дальнюю периферию» — «(грубое) неравенство» (13 %; чаще упоминается мужчинами — 16 % против 9 %) и оценка несправедливости как «качества/греха современного общества» (12 %). В структуре образа несправедливости практически по всем элементарным обоснованиям прослеживаются поколенческие различия: для «детей» более значимы такие компоненты несправедливости, как несоответствие вознаграждения/наказания деянию (30 % против 17 %), противоположность справедливости (17 % против 6 %) и неизбежность (10 % против 3 %); для родителей — плохое отношение к другим (28 % против 17 %), отклонение от моральных принципов (22 % против 13 %), неравенство (17 % против 10 %) и нарушение законов (6 % против 2 %).

Характеристики несправедливости оказались противоречивыми в том смысле, что среди них доминирует признание ее «повсеместности» (43 %), но далее следуют одновременно оценочные эпитеты — «жестокая/обидная/вопиющая» (21 %; чаще так считают родители — 36 % против 15 %), «закономерная/оправданная/уместная» (11 %) и констатации — «постоянная/вечная» (17 %; чаще так считают «дети» — 13 % против 6 %); реже всего упоминаются «типы» несправедливости — «со стороны государства/общества» (8 %), «по отношению к другим людям» (7 %), «явная/скрытая» (6 %), «большая/малая» и «случайная/ситуативная» (по 5 %) (Рис. 4). В отличие от поколения «детей», родители не склонны столь разнообразно «типологизировать» несправедливость (не упоминают, что она может проявляться по отношению к другим людям или со стороны государства/общества, быть неявной или открытой, большой или малой).

Образ несправедливого человека более четко структурирован, чем образ справедливого человека: «ядро» — поиски личной выгоды («действует только в своих интересах/чтобы получить больше, чем заслуживает/думает только о личной выгоде») — 57 %; «ближняя периферия» конкретна — он «коварен/хитер/лжив/лицемерен/жесток» — 22 %, а «дальняя периферия», напротив, абстрактна: «поступает несправедливо» (12 %), «не думает о других» (13 %); условные «аутсайдеры» образа — принижение других людей и использование их в своих интересах (по 8 %), а также недовольство жизнью/несчастливость (6 %). У родителей «дальняя» и «ближняя периферия» переплетаются — несправедливые поступки (24 % против 9 % у «детей») упомянуло практически столько же, сколько и набор активно-нега-

тивных характеристик (коварен/лжив/жесток и т.д.) — 28 % против 17 %; однако у родителей пустой оказалась зона «аутсайдеров»: принижение и использование других людей (0 против по 7 %), а также игнорирование их интересов (0 против 11 %).

Рис. 4. Ядро и периферия образа несправедливости

Таким образом, метод неоконченных предложений показал, что образ счастливого человека имеет преимущественно «лично-персоналистическое» «ядро» — это тот, кого устраивает его жизнь и кто считает себя счастливым; а вот объективное отсутствие проблем (или их устранение), решение своих задач, создание социального круга и обретение второй половины — компоненты для образа счастливого человека скорее «периферийные» (с возрастом «периферия» упрочивает позиции, приближаясь к «ядру»). Соответственно, главными факторами счастья считается понимание человеком, что именно ему нужно для счастья (и для каждого это свое), менее значимы такие частно-объективные факторы счастья, как близкие люди и любовь, причем их важность практически эквивалентна принятию себя и собственной жизни (с возрастом значение «периферийных» компонентов несколько возрастает), а в неоконченном предложении «счастье возможно и без» консолидировано отвергается только материальный фактор.

Столь же лично-персоналистичен и образ несчастного человека — его «ядро» формирует жизненная нереализованность, «периферию» — признание своих неудач (самооценка как несчастного), одиночество и абстрактное жизненное кредо «у меня все плохо». Однако при этом несчастье квалифицируется как атрибут одновременно трех очень разных «вещей» — субъективных негативных эмоций, объективных жизненных неудач и жизни как таковой, но богатство считается тем, что однозначно не гарантирует чело-

веку счастье (реже в этом качестве упоминаются близкие люди и абстрактное «все, что нужно для счастья»).

Образ справедливости слабо пересекается с образом счастья, потому что первый носит абстрактно-внешний характер — «каждому по заслугам», и конкретные компоненты справедливости (честность, моральные принципы, равенство, непредвзятость и пр.) формируют «периферию» образа. Соответственно, достаточно абстрактен и образ справедливого человека (не поступает несправедливо и не совершает дурных поступков), хотя эпитет «справедливый» однозначно считается «человеческим». Аналогичные тенденции просматриваются и в образах несправедливости и несправедливого человека — они формулируются как некие противоположности справедливости (несоответствие вознаграждения/наказания деянию, плохое поведение и нечестность, которые считаются повсеместными) и справедливого человека (личная выгода вопреки интересам других людей)

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»

Библиографический список

1. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб., 2003.
2. *Аристотель.* Никомахова этика // Сочинения. Т. 4. М., 1983.
3. *Баранова Т.С.* Психосемантические методы в социологии // Социология: 4М. 1993–1994. № 3–4.
4. *Климов И.А.* Комплексное использование семантического дифференциала и контент-анализа открытых вопросов для изучения культурных феноменов // Социология: 4М. 1998. № 10.
5. *Климова С.Г.* Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: 4М. 1995. № 5–6.
6. *Клюшкина О.Б.* Построение теории на основе качественных данных // Социологические исследования. 2000. № 10.
7. *Лапыгин В.Д.* Методологические и методические перспективы развития метода неоконченных предложений // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 4.
8. *Намлинская О.О.* «Экономика счастья»: особенности определения и перспективы развития в условиях модернизации // Региональные проблемы преобразований экономики. 2014. № 4.
9. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Счастье и его детерминанты в представлении россиян: результаты опроса // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. № 4.
10. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2.
11. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.
12. *Оберемко О.А.* На какие вопросы отвечают ответы на открытый вопрос: опыт реконструкции трансформаций вопроса респондентами // Социология: 4М. 2013. № 37.
13. *Саганенко Г.И.* Метод открытых вопросов // Социологический журнал. 1998. № 3/4.

14. *Саганенко Г.И.* Системы, форматы и познавательный потенциал открытых вопросов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4.
15. *Селигман М.Э.П.* Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006.
16. *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.
17. *Таршиш Е.Я.* Контент-анализ: принципы методологии (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). М., 2014.
18. *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
19. *Татарова Г.Г., Бурлов А.В.* Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8.
20. *Татарова Г.Г., Бурлов А.В.* Метод неоконченных предложений в изучении образа («культурный человек») // Социология: 4М. 1997. № 9.
21. *Троцук И.В.* Методические и содержательные особенности социологического изучения феномена счастья опросными методами // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18. № 1.
22. *Троцук И.В.* Трактовки счастья и справедливости — основа поколенческой солидарности или конфликта? // Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах. Тюмень, 2022.
23. *Троцук И.В., Гребнева В.Е.* Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3.
24. *Троцук И.В., Королева К.И.* Неочевидные ограничения социологической оценки благополучия: результаты методического эксперимента // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1.
25. *Шматова Ю.Е., Морев М.В.* Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3.
26. *Charmaz K.* Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. Thousand Oaks, 2006.
27. *Duncan G.* What do we mean by «happiness»? The relevance of subjective well-being to social policy // Social Policy Journal of New Zealand. 2005. Vol. 25.
28. *Easterlin R.* Income and happiness: Towards a unified theory // Economic Journal. 2001. Vol. III.
29. *Easterlin R.* Will raising the income of all increase the happiness of all? // Journal of Economic Behavior and Organization. 1995. Vol. 27.
30. *Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P.* How important is methodology for the estimates of the determinants of happiness? // Economic Journal. 2004. Vol. 114.
31. *Kahneman D., Krueger A.B.* Developments in the measurement of subjective well-being // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. No. 1.
32. *Miller S.I.* How does grounded theory explain? // Qualitative Health Research. 1999. Vol. 9. No. 4.
33. *Montgomery A.C., Crittenden K.S.* Improving coding reliability for open-ended questions // Public Opinion Quarterly. 1977. Vol. 41. No. 2.
34. *Trotsuk I.V.* Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.
35. *Trotsuk I.V.* Three approaches to the sociological study of the social well-being // Serbian Sociological Review. 2019. Vol. LIII. No. 1.
36. *Trotsuk I.V.* What do sociologists really «measure» when speaking of happiness? // Sociology in XXI Century: Challenges and Perspectives. Belgrade-Niš, 2019.
37. *Veenhoven R.* Hedonism and happiness // Journal of Happiness Studies. 2003. No. 4.

‘Core’ and ‘periphery’ of the concepts ‘happiness’ and ‘justice’: Unfinished sentences technique as a means of validation*

I.V. Trotsuk^{1,2,3}, M.V. Subbotina¹

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

³National Research University Higher School of Economics

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; subbotina-mv@rudn.ru)

Abstract. The article continues a series of publications based on the results of a long-term research project of the Sociology Chair of the RUDN University, which combines research and methodological study of the self-identification of Russian students in terms of happiness. At the current stage, two new ‘dimensions’ were added to the project: first, the contextualization of questions about happiness by the concept and elements of social justice (as its ‘external determinant’); second, ‘measuring’ the images of a happy/unhappy person with the projective technique (unfinished sentences) and taking into account social ideas about justice/injustice. Being limited by the size of the article, the authors focus on the second ‘dimension’ — identify the possibilities and limitations of the unfinished-sentences technique as a means for validating the results of the project rather than a means for starting it. The structure of the article contributes to the solution of this task: in the first, introductory part, the author set the research problem as determined by the self-diagnostic mania of the contemporary society (in terms of the level of happiness) and the attempts to classify the factors of happiness; the second part presents the main stages of the project and its conclusions based on the results of the surveys (on the sample of the RUDN University students and on the all-Russian representative online panel); the third, main part presents the results of the unfinished-sentences technique application, which were obtained with the simplest content-analytical coding of the elementary endings. The authors reconstructed a single-type structure of images of a happy/unhappy person (in the context of factors determining such ‘statuses’) and of justice/injustice (taking into account their characteristics) — the core, the near periphery and the far periphery, which differ in their semantic ‘volumes’ and evaluation trends.

Keywords: happiness/unhappiness; justice/injustice; objective and subjective factors; representative survey; unfinished sentences technique; core and periphery of the image; social representations; coding

Funding

The article was prepared with the support of the RFBR. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective dimensions of happiness: Justice as a criterion of personal and social well-being”

* © I.V. Trotsuk, M.V. Subbotina, 2022

The article was submitted on 15.07.2022. The article was accepted on 03.10.2022

References

1. Argyle M. *Psikhologiya schastyia* [The Psychology of Happiness]. Saint Petersburg; 2003. (In Russ.).
2. Aristotel. Nikomakhova etika [Nicomachean ethics]. *Sochineniya*. Vol. 4. Moscow; 1983. (In Russ.).
3. Baranova T.S. Psikhosemanticheskie metody v sotsiologii [Psychosemantic methods in sociology]. *Sotsiologiya: 4M*. 1993–1994; 3–4. (In Russ.).
4. Klimov I.A. Kompleksnoe ispolzovanie semanticheskogo differentsiala i kontent-analiza otkrytykh voprosov dlya izucheniya kulturnykh fenomenov [The combination of semantic differential and content analysis of open questions for the study of cultural phenomena]. *Sotsiologiya: 4M*. 1998; 10. (In Russ.).
5. Klimova S.G. Opyt ispolzovaniya metodiki neokonchennykh predlozheniy v sotsiologicheskom issledovanii [The use of the unfinished sentences technique in sociological research]. *Sotsiologiya: 4M*. 1995; 5–6. (In Russ.).
6. Klyushkina O.B. Postroenie teorii na osnove kachestvennykh dannykh [Making a theory on the basis of qualitative data]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2000; 10. (In Russ.).
7. Lapygin V.D. Metodologicheskie i metodicheskie perspektivy razvitiya metoda neokonchennykh predlozheniy [Methodological perspectives for the development of the unfinished sentences technique]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie*. 2016; 4. (In Russ.).
8. Namlinskaya O.O. “Ekonomika schastiya”: osobennosti opredeleniya i perspektivy razvitiya v usloviyakh modernizatsii [“Economy of happiness”: Definition and prospects for development under modernization]. *Regionalnye Problemy Preobrazovaniy Ekonomiki*. 2014; 4. (In Russ.).
9. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Schastie i ego determinanty v predstavlenii rossiyan: rezultaty oprosa [Russians’ interpretation of happiness and its determinants: Results of the survey]. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2021; 4. (In Russ.).
10. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Schastie kak mezhdistsiplinarny konstrukt: varianty sotsiologicheskoy kontseptualizatsii i operatsionalizatsii [Happiness as an interdisciplinary construct: Types of sociological conceptualization and operationalization]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i Obshchestvennyye Nauki*. 2021; 2. (In Russ.).
11. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye orientatsii i sotsialnoe samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Value Orientations and Social Well-Being of Students (Results of the Research Project)]. Moscow; 2017. (In Russ.).
12. Oberemko O.A. Na kakie voprosy otvechayut otvety na otkryty vopros: opyt re-konstruktsii transformatsiy voprosa respondentami [What questions the answers to the open question answer: A reconstruction of the question transformation by respondents]. *Sotsiologiya: 4M*. 2013; 37. (In Russ.).
13. Saganenko G.I. Metod otkrytykh voprosov [Open questions method]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 1998; 3/4. (In Russ.).
14. Saganenko G.I. Sistemy, formaty i poznavatelny potentsial otkrytykh voprosov [Systems, formats and cognitive potential of open questions]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2001; IV (4). (In Russ.).
15. Seligman M.E.P. *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyy vzglyad na schastie i smysl zhizni* [The New Positive Psychology: A Scientific Perspective on Happiness and the Meaning of Life]. Moscow; 2006. (In Russ.).
16. Strauss A., Corbin J. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques]. Moscow; 2001. (In Russ.).
17. Tarshis E.Ya. *Kontent-analiz: printsipy metodologii (Postroenie teoreticheskoy bazy. Ontologiya, analitika i fenomenologiya teksta. Programmy issledovaniya)* [Content Analysis: Principles of Methodology (Theoretical Basis. Ontology, Analysis and Phenomenology of Text. Research Programs)]. Moscow; 2014. (In Russ.).

18. Tatarkevich V. *O schastie i sovershenstve cheloveka* [On Human Happiness and Perfection]. Moscow; 1981. (In Russ.).
19. Tatarova G.G., Burlov A.V. Logicheskaya organizatsiya analiza dannyh, poluchennyh metodom neokonchennyh predlozheniy [Logical organization of the analysis of data obtained by the unfinished sentences technique]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1999; 8. (In Russ.).
20. Tatarova G.G., Burlov A.V. Metod neokonchennyh predlozheniy v izuchenii obraza (“kulturny chelovek”) [The unfinished sentences technique in the study of the image (“cultured man”)]. *Sotsiologiya: 4M*. 1997; 9. (In Russ.).
21. Trotsuk I.V. Metodicheskie i sodержatelnye osobennosti sotsiologicheskogo izucheniya fenomena schastiya oprosnymi metodami [Methodological and conceptual issues of the sociological study of the phenomenon of happiness by survey techniques]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2019; 18 (1). (In Russ.).
22. Trotsuk I.V. Traktovki schastiya i spravedlivosti — osnova pokolencheskoy solidarnosti ili konflikta? [Interpretations of happiness and justice — the basis for generational solidarity or conflict?]. *Mezhkulturny i mezhreligiozny dialog v rossiyskih regionah*. Tyumen; 2022. (In Russ.).
23. Trotsuk I.V., Grebneva V.E. Vozmozhnosti i ogranicheniya osnovnykh metodicheskikh podkhodov k izucheniyu schastiya [Possibilities and limitations of the key methodological approaches to the study of happiness]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2019; 25 (3). (In Russ.).
24. Trotsuk I.V., Koroleva K.I. Neochevidnye ogranicheniya sotsiologicheskoy otsenki blagopoluchiya: rezultaty metodicheskogo eksperimenta [Nonobvious limitations of the sociological study of well-being: Results of the methodological experiment]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2020; 19 (1). (In Russ.).
25. Shmatova Yu.E., Morev M.V. Izmerenie urovnya schastiya: literaturny obzor rossiyskikh i zarubezhnykh issledovaniy [Measuring the level of happiness: A review of Russian and foreign studies]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2015; 3. (In Russ.).
26. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks; 2006.
27. Duncan G. What do we mean by «happiness»? The relevance of subjective well-being to social policy. *Social Policy Journal of New Zealand*. 2005; 25.
28. Easterlin R. Income and happiness: Towards a unified theory. *Economic Journal*. 2001; III.
29. Easterlin R. Will raising the income of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1995; 27.
30. Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P. How important is methodology for the estimates of the determinants of happiness? *Economic Journal*. 2004; 114.
31. Kahneman D., Krueger A.B. Developments in the measurement of subjective well-being. *Journal of Economic Perspectives*. 2006; 20 (1).
32. Miller S.I. How does grounded theory explain? *Qualitative Health Research*. 1999; 9 (4).
33. Montgomery A.C., Crittenden K.S. Improving coding reliability for open-ended questions. *Public Opinion Quarterly*. 1977; 41 (2).
34. Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
35. Trotsuk I.V. Three approaches to the sociological study of the social well-being. *Serbian Sociological Review*. 2019; LIII (1).
36. Trotsuk I.V. What do sociologists really “measure” when speaking of happiness? *Sociology in XXI Century: Challenges and Perspectives*. Belgrade-Niš; 2019.
37. Veenhoven R. Hedonism and happiness. *Journal of Happiness Studies*. 2003; 4.